

После первых концертов

Дм. КАБАЛЕВСКИЙ

С ВЫСТУПЛЕНИИ Нью-Йоркского оркестра в Большом зале консерватории начался в Москве новый концертный сезон. Торжественным и, можно сказать, символическим было это начало: гимны Советского Союза и США, сыгранные в начале программы, прозвучали как своеобразный музыкальный пролог к году, центральным и важнейшим событием которого должен стать обмен визитами между главами двух великих государств...

Третий раз за последние три года знакомятся советские слушатели с симфонической культурой США. В 1956 году — Бостонский, в 1958-м — Филадельфийский, в нынешнем году — Нью-Йоркский оркестр... Нет нужды сравнивать их: различны по складу таланта их руководители — дирижеры, различен показанный ими во время гастролей репертуар, у каждого есть свои индивидуальные особенности. Одно можно сказать — все три коллектива достойно поддерживают репутацию США как страны высокой симфонической культуры.

Нью-Йоркский оркестр — старейший из оркестров США — существует уже более столетия. С прошлого года во главе этого оркестра встал разносторонне одаренный музыкант Леонард Бернштайн. В отличие от очень многих музыкантов, определявших в наше время высокий уровень музыкальной жизни США, Леонард Бернштайн — настоящий, подлинный американец. В Америке он родился, в Америке учился и воспитывался, в Америке протекает вся его многогранная деятельность.

В своих московских концертах Бернштайн выступил не только как дирижер, но также как пианист и композитор. И

требовательные, воспитанные на высоких музыкально-культурных традициях слушатели сразу же поняли, что перед ними музыкант выдающийся, обладающий большим художественным темпераментом и великолепным мастерством.

Программа первого концерта (22 августа) состояла из «Второго очерка для оркестра» Барбера — видного современного американского композитора, соль-мажорного Концерта для фортепиано с оркестром Моцарта и Пятой симфонии Шостаковича.

В «Очерке» Барбера есть увлекательная эмоциональность; в отлично вылепленной форме чувствуется рука умелого мастера, но мелодический материал кажется недостаточно ярким по сравнению с другими известными у нас его сочинениями, в частности прекрасным Адажио для струнного оркестра. Исполнен был «Очерк» хорошо, хотя и дирижер, и музыканты оркестра были, видимо, еще несколько скованы перед лицом новой для них аудитории.

В «Концерте» Моцарта Бернштайн выступил одновременно в качестве дирижера и солиста (нам памятен такого рода выступления Сергея Прокофьева, Отто Клемперера, Дмитрия Митрополоса). Проявил он себя при этом как тонкий, несколько камерного типа пианист с безупречным вкусом и отличной техникой. Однако, с точки зрения интерпретации этого чудесного сочинения в целом, исполнение было каким-то тускловатым. В нем было больше ретроспективной стилизации, чем живого ощущения вечно юной моцартовской музыки. Это было тем более странно,

что едва ли не основными чертами исполнительской индивидуальности Бернштайна являются страстность, напористость, склонность к романтизации и драматизации исполняемой музыки.

Все эти черты в полную меру проявились в исполнении Пятой симфонии Шостаковича — произведения, давно уже вошедшего в мировую музыкальную культуру как одно из лучших созданий современного классического симфонизма. С невероятной увлеченностью, словно на наших глазах творя эту монументальную симфоническую драму, продвигался оркестр, подчиняясь художественной воле дирижера, от одной части к другой, от одной кульминации к следующей. Ни одна деталь партитуры не ускользнула от внимания Бернштайна, и вместе с тем исполнительское дыхание его было так масштабно, как редко приходилось слышать при исполнении этой симфонии. Что же касается трагической вершины симфонии — третьей ее части, то такого насыщенного, подлинно трагедийного звучания может достичь только очень талантливый и очень человечный художник.

По поводу исполнения заключительного раздела последней части симфонии среди музыкантов сразу же возник спор. «Бернштайн лишил финал присущей ему праздничности, помпезности!» — сетовали одни. «Зато он сообщил ему недостававшую обычно динамичность!» — радовались другие. Да, конечно, сыграв заключение симфонии иначе, чем мы привыкли слышать, Бернштайн вступил в спор с установившейся у нас традицией. Ну что ж, так иной раз бывало и с музыкой великих мастеров прошлого: первая традиция исполнения, даже освященная авторитетом самого автора, не всегда оказывалась традицией вечной, неизменной. В данном же случае я убежден, что

Бернштайн вступил в спор именно с традицией исполнения, а не с авторским замыслом. В его исполнении исчезла никак не вытекающая из всего развития музыки помпезность заключения, и одновременно стало совершенно ясно, что «динамическая пружина», заложенная в главной теме финала, столь сильна, что способна насытить своей энергией всю эту часть, а не только ее экспозицию, как это кажется всегда при «традиционном» исполнении. К тому же бернштайновская трактовка оказывается ближе к авторским обозначениям темпов, напечатанным в партитуре. Во всяком случае, в этом интересном творческом споре я целиком становлюсь на сторону Бернштайна и — убежден в этом — на сторону музыки Шостаковича...

ВТОРОЙ КОНЦЕРТ (23 августа) начался отличным исполнением увертюры «Эгмонт», исполнением мужественным, по-беговенски строгим и в то же время страстным. А вслед за этим мы познакомились с Леонардом Бернштайном — композитором. При участии пианиста Сеймура Липкина была исполнена его Вторая симфония для фортепиано с оркестром, имеющая авторский подзаголовок «Век тревог». Композитор поставил своей задачей воплотить в музыке внутренний мир молодых людей современной Америки, настойчиво ищущих свои жизненные пути. Внутренний мир этот неуравновешен, в нем преобладают тревоги, трудности, разочарования и печаль. Но в конце сочинения возникают проблески света, появляются спокойствие и уверенность, тревоги исчезают. Каков конкретный смысл этого просветления — программа не разъясняет нам. В ней говорится лишь о надежде на возникновение «чего-то чистого»... Но вряд ли я ошибусь, если выскажу предположение, что композитор выразил здесь ту горячую мечту о спокойствии и мире, которой живут

сейчас многие миллионы людей на земном шаре, в том числе, несомненно, и американская молодежь, действительно уставшая от тревог нашего века...

В музыке симфонии немало интересных находок — ритмических, фактурных и особенно оркестрово-колористических. Однако звукописание тревог, образующих в итоге некий психологический хаос, через который не без труда прокладывает свой путь сознание молодых героев симфонии, с моей точки зрения, заслонило более важную задачу, которая должна была встать перед автором, исходя из его же программного замысла: воплощение образов самих молодых людей, о которых, в сущности, и писалась эта симфония. И не потому ли, что образы эти как-то расплылись в окружающем их «мире тревог», недостаточно убедительным оказалось появление заключительного эпизода, несмотря на выразительность его музыки, окрашенной теплыми лучами надежды и веры в светлое будущее...

Исполнена симфония была виртуозно. Это относится и к оркестру, и к солисту. Сеймур Липкин отлично справился с большими трудностями своей партии, написанной интересно, но все же, как мне кажется, не всегда убедительно в виртуозном и образном отношении (например, во всем довольно большом заключительном эпизоде симфонии пианист не принимает никакого участия и ему поручен лишь один (!) аккорд в последнем такте).

Во втором отделении концерта была сыграна Первая симфония Брамса. Это было великолепно! В трактовке Бернштайна музыка замечательного немец-

кого симфониста была совершенно очищена от немецкого же академизма, который так несносно навязывают ей многочисленные исполнители и музыковеды. А когда слышат с Брамса этот традиционный тяжеловесный академизм, он предстает перед нами во всем богатстве мыслей и чувств, во всей силе своего взволнованного романтического таланта. Увлеченность, с какой Бернштайн протиривал симфонией, захватила слушателей. Не было в зале, думается, ни одного человека, который остался равнодушным к этому действительно великолепному исполнению... Оркестр показал себя в брамсовской симфонии, как, впрочем, и в других исполненных им произведениях (особенно в Пятой симфонии Шостаковича), первоклассным ансамблем прекрасных музыкантов, игре которого свойственны безупречная техника, отличное чувство стиля и неподдельная одухотворенность...

И еще хотел бы я отметить (это не мог не почувствовать каждый, кто хоть однажды побывал на концертах Нью-Йоркского оркестра), что в переполненном зале Московской консерватории господствует в эти дни не только атмосфера радости, всегда возникающая при общении любителей и ценителей музыки с настоящим искусством, но и особая атмосфера дружественности, которую искренне выказывают москвичи к американским музыкантам, справедливо видя в их приезде в Советскую страну еще один серьезный шаг на пути укрепления столь важной для дела мира во всем мире дружбы между нашими великими народами...